

О ВЫСШЕМ И СПРАВЕДЛИВЕЙШЕМ ИЗ ЗАКОНОВ

Пилецкий Сергей Григорьевич,

доктор философских наук, доцент,

доцент кафедры истории и философии

Ярославского государственного медицинского университета,

Россия, 150000, Ярославль, ул. Революционная, 5

ORCID: 0000-0002-1214-535X

sergeypiletsky@yandex.ru

Аннотация

Статья представляет собой осмысление одного из постулатов философского материализма, одного из трех законов сохранения – закона сохранения энергии. Он неотъемлемая часть современного естествознания. Подчеркивается онтологический статус математического фундамента закона сохранения энергии, даются неожиданные и очень любопытные его экстраполяции и приложения. Автор настаивает на том, что закон сохранения энергии обладает не только онтологическим и гносеологическим, но и нравственным измерением. Свою статью автор начинает с восхищения красотой и стройностью математики и касается множества увлекательных и показательных математических достижений в разработках величайших умов человечества – Пифагора, Лейбница, Ньютона, Фибоначчи, Баха, Ньюландса, Менделеева и др. Простота и изящество математики были по достоинству оценены и в среде естествоиспытателей. Автор приводит позицию на сей счет двух видных представителей эмпириокритицизма второй половины XIX века – Эрнста Маха и Рихарда Авенариуса – с их концептуальной методологической платформой «принципа экономии мышления» как фундаментального регулятива науки. В дальнейшем автор пытается высветить удивительные аспекты действия закона сохранения энергии в рамках выстраиваемых философских теорий Платона о «мире эйдосов», Декарта о потенциале «врожденных идей», философии истории Гегеля, концепции Л.Н. Гумилёва об этногенезе и пассионарности и учения о биосфере В.И. Вернадского с его «законом константности». С позиции закона сохранения энергии дается обоснование провиденциализму в рамках христианской апокалиптической догматики. Всё содержание статьи не просто пронизано личностной оценкой автора всех указанных персоналий и их теоретических конструкций, автор берет на себя смелость представить читателям свою оригинальную концептуальную идею по этой теме.

Ключевые слова: математика, аксиома, простота и ясность, эйдос, врожденные идеи, душа, справедливость, закон сохранения энергии, Демнург.

Библиографическое описание для цитирования:

Пилецкий С.Г. О высшем и справедливейшем из законов // Идеи и идеалы. – 2019. – Т. 11, № 3, ч. 1. – С. 211–228. – DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.1-211-228.

Суждения математики – это аналитические суждения, а они являются либо тавтологиями, либо такими повествовательными предложениями, в которых предикат (или предикаты) не добавляет никакой новой информации в сравнении с той, что была уже заложена в субъекте суждения (например, «дважды два четыре», «прямая есть кратчайшее расстояние между двумя точками» и т. п.). Математика красива, стройна, изысканна, в математике разум не ищет ничего извне – он замкнут в себе; в математике есть что-то божественное. Представьте: неверных ответов может быть бесчисленное множество, а верный – один единственный. Еще пифагорейцы, создав удивительное философское учение о числе как основе всего существующего, походя, между делом, сотворили великолепнейшие открытия и изобретения. До нас дошли крохи, но и они впечатляют.

Они смогли («палочкой на песке!») точно рассчитать гармонические лады ксилофона и струнных музыкальных инструментов, понимая, что всё измеряется количественно: вес молоточков, пропорции клавиш, длина и толщина струн. Мало того: смогли как-то высчитать знаменитые 15 пифагорейских троек, т. е. тех троек чисел натурального ряда, для которых «работает» не менее знаменитая теорема о прямоугольном треугольнике. Причём последняя из этих 15 троек такова – 12709, 13500, 18541. А ведь эти числа нужно возводить в квадрат! Не случайно фундаментальный труд сэра Исаака Ньютона назван им «Математические начала натуральной философии». Заметьте: математические начала философии природы! Математические успехи Готфрида Вильгельма Лейбница в дифференциальном исчислении и исследовании предельно малых величин не могли не отразиться на его онтологической концепции – философском учении о монадах. Иоганн Себастьян Бах создавал произведения, в музыке которых были зашифрованы его собственное имя и символ распятия – крест. Он изобретал обратные контрапункты чрезвычайной сложности, где гармонии были зеркальным отражением мелодии. Бах показал, что музыка может быть трансформирована в математические формулы, а математические формулы – в музыку. Создается впечатление, что человек изобрел математику и логику только за тем, чтобы расшифровывать формулы, созданные Богом.

Математика скрывает множество тайн. Это и загадочное, магическое «число зверя» (почему-то 666). Это любопытное число 8. Еще Пифагор установил, что основой музыкальной шкалы является октава, поскольку при колебании струны каждая ее половина издает тот же тон, что и целая струна, но на октаву выше. Частота вибрации струны обратно пропорцио-

нальна ее длине. Один из секретов пифагорейцев состоял в том, что квинта (интервал в пять нот диатонической гаммы, своеобразное «золотое сечение» октавы), повторенная двенадцать раз в восходящей последовательности, должна была бы дать первоначальный тон, только семью октавами выше, однако вместо этого дает звук на одну восьмую тона выше первоначального.

Оказывается, «закон октав» лежит и в основе Периодической системы элементов. В 60-х годах XIX в., ещё до того, как Д.И. Менделеев вывел свою таблицу, Джон Ньюландс, английский химик, обнаружил, что если располагать элементы в порядке возрастания их атомной массы, то каждый восьмой элемент будет по свойствам схож с первым – точно так же, как звуки с интервалом в одну октаву. Он назвал эту закономерность в честь теории Пифагора, поскольку полагал, что молекулярные свойства различных веществ связывает такая же закономерность, как звуки в музыкальной гамме.

А таинственное, мистическое число «фи» – 1,618 – «*aurio sectio*» («золотое сечение»), которое является основополагающим коэффициентом последовательности Фибоначчи! Знаменитый «Витрувианский человек» Леонардо да Винчи был назван в честь Витрувия, гениального римского архитектора, который вознес хвалу «божественной пропорции», числу 1,618, в своих «Десяти книгах об архитектуре». Изучая анатомию, Леонардо первым показал, что тело человека состоит из «строительных блоков», соотношение пропорций которых всегда равно сему заветному числу. Чтобы убедиться в этом, достаточно измерить расстояние от плеча до кончиков пальцев и затем разделить его на расстояние от локтя до тех же кончиков пальцев. То же получится с фалангами пальцев рук – всё то же 1,618. Число «фи» задействовано и в работах Микеланджело, Дюрера и многих других художников при построении их композиций. Оно в пропорциях греческого Парфенона и египетских пирамид, в структурах моцартовских сонат, в 5-й симфонии Бетховена, в произведениях Бартока, Дебюсси и Шуберта. Число «фи» использовал в своих расчетах великий Страдивари, создавая свои уникальные творения.

Стройность, красоту и простоту математики не могли не оценить по достоинству и физики. И это не случайно, ибо никакая другая эмпирическая наука не использует для своих исчислений математический аппарат так, как физика. Значение математики как универсального метаязыка естествознания в целом и его фундамента – континуума трех законов сохранения (законов сохранения массы, энергии и импульса движения) – переоценить невозможно. Эрнст Мах, выдающийся физик второй половины XIX в. и «движитель» второй волны позитивизма (так называемого «эмпириокритицизма»), теоретические законы естествознания рассматривал

как своего рода сжатую сводку опытных данных, как способ их упорядочивания. В своей книге «Познание и заблуждение» он подчеркивал, что «... в эмпирическом описании и применении принципа «экономии мышления» по существу смешиваются три разнородных понимания этого принципа. Во-первых, это дидактическое пожелание выражать наличное научное содержание в возможно более простой форме; во-вторых, методологическое требование формулировать проблемы простейшим образом и применять для их решения простейшие средства; и, в-третьих, «метафизическое» утверждение о том, что природа выбирает для своих действий простейшие средства» [8, с. 204, 205]. А его соратник по эмпириокритицизму Рихард Авенариус, философ и биолог, писал: «В случае присоединения новых впечатлений душа сообщает своим представлениям возможно меньшее изменение; или, другими словами, после новой апперцепции содержание наших представлений оказывается возможно более сходным с их содержанием до этой апперцепции. На новую апперцепцию душа затрачивает лишь столько сил, сколько необходимо, а в случае множества возможных апперцепций она отдает предпочтение той, которая совершает ту же работу с меньшей затратой силы» [1, с. 7].

По мере расширения опыта происходит смена теорий. Прежние теории отбрасываются и, по мнению Маха, заменяются новыми, более экономно описывающими опыт. А ничто так экономно не описывает опыт, как математика. Мах настойчиво отстаивал принцип «экономии мышления», который он выдвигал даже в качестве методологического регулятива науки. Он требует исключить из теоретических описаний ссылки на метафизические сущности и из всех возможных теоретических описаний выбирать наиболее экономное. Первый аспект перекликается с «бритвой Оккама»: не надо умножать сущности сверх необходимого. Что касается второго аспекта, то значительно позднее, уже в начале XX в., в унисон Маху Альберт Эйнштейн подчеркивал, что научная теория должна удовлетворять двум критериям: быть обоснованной опытом и обладать внутренним совершенством. Критерий внутреннего совершенства в понимании Эйнштейна означал, что нужно стремиться отыскать минимально возможное количество постулатов, позволяющих объяснять как можно большее разнообразие явлений. В методологии науки этот критерий обозначается как принцип простоты.

Серьезное увлечение математической «симфонией» продолжилось в XVII в. с подачи рационалистов во главе с Рене Декартом. В отличие от Фрэнсиса Бэкона с плеядой эмпириков, усматривающих источник и достоверность знания в активном целенаправленном опыте, рационалисты таковым статусом наделяли лишь человеческий разум. Всё, что основано на чувственном опыте, не может претендовать на достоверность. И палка,

опущенная в воду, кажется сломанной, и параллельные колеи у горизонта сходятся, и невозможно порой отличить явь от бреда, сновидений и галлюцинаций. Можно усомниться даже в существовании своего собственного тела! И впрямь: откуда мы знаем, что оно есть и какое оно? Либо визуально, насколько это возможно, сами себя обзираем либо смотримся в зеркало. Но разве можно полагаться на показания органов чувств?!

Согласно Декарту, критический анализ наших стереотипов приводит нас к неутешительному выводу: мы всегда погружены в пучину сомнений. Но в этом, на первый взгляд безнадежном, состоянии нашего духа имеется один совершенно надежный момент, опираясь на который мы можем выбраться из этой пучины: сомневающийся всегда мыслит. Отсюда знаменитое заключение Декарта: «*Cogito, ergo sum*» («Мыслю, следовательно, существую»). Эту истину можно рассматривать как наивысшую из всех наших интуиций.

Вообще об интуиции по Декарту – разговор особый. Это важнейшее понятие его методологии и гносеологии. Речь идет не о «животной», чувственной интуиции, а исключительно об интеллектуальной. Она определяется им как «отчетливое и прочное понятие ясного и внимательного ума, порожденное лишь естественным светом разума и благодаря своей простоте более достоверное, чем сама дедукция...» [6, с. 86].

Человеческий разум, по Декарту, в момент рождения – это не какая-нибудь локковская «*tabula rasa*». Там рой врожденных идей (*ideae innatae*), интуитивно ясных и очевидных базовых положений математики и логики, что дает возможность дедуктивному развертыванию логико-математической аксиоматики. Это, в свою очередь, позволяет математике и логике служить образцом достоверного знания. Если объяснить папуасу Новой Гвинеи, что такое целое и часть, а затем спросить, что из них больше, то для него (так же как и для нас с вами) будет совершенно ясно, что целое больше части, хотя он не только никогда математики не изучал, но даже и такого названия не слышал. А на вопрос «Если $A = B$, а $B = C$, что из этого следует?» он, по Декарту, должен не задумываясь ответить, что $A = C$. Это и есть интеллектуальная интуиция. Но откуда взялись эти идеи в человеческом разуме, и что (или кто) обеспечивает их истинность и интуитивную ясность? Ответ оказывается предсказуемо простым: *Infinitus Infini* – Бог.

Нечто схожее мы находим у великого Платона. Человеческая душа, по Платону, это «*эйдос*» – бестелесная, вечная и неизменная идея. До вселения в телесную оболочку она пребывала какое-то время в родственном ей мире идей и могла созерцать там, «впитывать» в себя истинно сущее. Тело, материальная оболочка, по Платону, это «темница» души. Соединившись на Земле с телом, душа забывает то, что знала до своего падения на Землю. Всё телесное, биологическое сковывает, мешают, туманит ее, но в сво-

их глубинах она хранит память о том, что когда-то созерцала. И всё же порой душе удастся порвать эту обволакивающую, сковывающую, туманящую «пелену». Душа как бы прозревает, и истина является ей ярко, во всём своем блеске и величии. Это так называемые «миги озарения», когда истина мгновенно ясна, интуитивно зрима и совершенно очевидна. Знание, по Платону, есть припоминание.

Вот как об этом говорится в его диалоге «Федон»:

«— Когда же в таком случае, — продолжал Сократ, — душа приходит в соприкосновение с истиной? Ведь, принимаясь исследовать что бы то ни было совместно с телом, она — как это ясно — всякий раз обманывается по вине тела.

— Ты прав.

— Так не в размышлении ли — и только в нем одном — раскрывается перед нею что-то от [подлинного] бытия?

— Верно.

— И лучше всего мыслит она, конечно, когда ее не тревожит ничего из того, о чем мы только что говорили, — ни слух, ни зрение, ни боль, ни удовольствие, когда, распростившись с телом, она останется одна или почти одна и устремится к [подлинному] бытию, прекратив и пресекая, насколько это возможно, общение с телом...

— Именно так.

— Но в таком случае самым безукоризненным образом разрешит эту задачу тот, кто подходит к каждой вещи средствами одной лишь мысли (насколько это возможно), не привлекая в ходе размышления ни зрения, ни иного какого чувства и ни единого не беря в спутники рассудку, кто пытается уловить любую из сторон бытия самое по себе, во всей ее чистоте, вооруженный лишь мыслью самой по себе, тоже вполне чистой, и отрешившись как можно полнее от собственных глаз, ушей и, вообще говоря, от всего своего тела, ибо оно смущает душу всякий раз, как они действуют совместно, и не дает ей обрести истину и разумение...» [9, с. 16, 17].

Принципиально важно, что в «прорыве сознания» не последнюю роль может сыграть философ: знаток, наставник, мудрец. Однако роль эта весьма специфическая — «маевтика», т. е. «повивальное искусство». Правильно поставленными, дидактически грамотными вопросами мудрец может помочь человеческой душе «разродиться» знанием, т. е. вспомнить бережно хранимое, но позабытое. Согласитесь, что и тут разум человеческий — отнюдь не «*tabula rasa*», иначе и вспоминать было бы нечего.

Пора и мне «разродиться» тем, к чему я, собственно, вел. Основополагающим, высшим и справедливейшим, божественным в своей сути законом я полагаю закон сохранения энергии. Он, а также закон сохранения материи и закон сохранения импульса движения входит в единый кон-

тинуум, являющийся фундаментом всей науки. Он, как и остальные два, есть подлинное выражение образцового математического уравнения. Если хотя бы один из трех запатается и рухнет, то рухнет и всё 2,5-тысячелетнее здание науки. Угроза чего-то подобного была в храме науки чуть более столетия назад, но физики, не без помощи философии, смогли-таки избежать глобальной сциентистской катастрофы. (Впрочем, шесть лет, с 1896 по 1902 г., после открытия А. Беккерелем явления радиоактивности, естествоиспытатели не могли непротиворечивым образом объяснить и вписать его как раз в закон сохранения энергии).

Закон сохранения энергии – основной закон природы. Он гласит, что энергия замкнутой системы константна во времени. Другими словами, энергия не может возникнуть из ничего и не может исчезнуть, она может только переходить из одной формы в другую. В разных разделах физики закон проявляется в сохранении различных видов энергии. В классической механике – в сохранении механической энергии (суммы потенциальной и кинетической энергии). В термодинамике он называется «первым началом» и постулирует сохранение энергии в сумме с тепловой энергией. Поскольку закон сохранения энергии отражает всеобщую, применимую везде и всегда закономерность, правильнее его называть даже не законом, а *принципом* сохранения энергии.

Если предположить, что прав Платон, то из этого вытекает, что закон сохранения энергии – основной, высший, справедливейший из законов. Действительно, по Платону, существует некий особый мир – первичный, умопостижимый, интеллигибельный мир неких бестелесных сущностей. Они вечны и неизменны, не зависят от условий пространства и времени, по отношению ко всем чувственно воспринимаемым вещам предстают как их причины, как образцы, по которым были созданы эти вещи, как их цели (когда речь идет о живых существах), как понятия об общей основе вещей каждого класса и образуют систему, пирамиду с идеей блага на вершине. Их число хоть и велико, но константно. А это значит, что число переселяющихся, меняющих свои телесные облики душ тоже константно. Ничего энергетически нового не возникает, а есть лишь смена форм.

В этом «вселенском уравнении» добро и зло сбалансированы, и в этом и есть суть гармонии, поскольку обе крайности губительны. Что для мира смерти подобно, если потенциал добра иссякнет, – доказывать, думаю, особой надобности нет. Но ведь и другая крайность в своем итоге ничем не лучше. Если весь земной потенциал зла божьим соизволением «перекинуть слева направо», тем самым превращая его в потенциал добра, то в остатке останется тот же «ноль», бездна, ничто. Если бы падших душ не было, а человеческая душа была доведена до состояния платоновского идеала, будучи «стерилизованной» от всех низменных страстей и плотских во-

жделений – чистая рациональность и разумность, да еще и с гомосексуальными предпочтениями, то человечество бы вымерло, причем самым незамысловатым образом. Что же это, если не «ноль» или ничто?!

Если предположить, что прав Декарт, то закон сохранения энергии «еще более» основной, высший и справедливейший! Если действительно существует в нашем разуме некий наследуемый багаж врожденных идей, причем вне зависимости от расы, нации, этноса и пола, выходит, что и их число константно. Любой представитель рода человеческого несет в себе этот потенциал, подвластный семантическому раскодированию и дешифровке при помощи вербально-коммуникативных форм, вне зависимости от языковой принадлежности. Демократично и справедливо. Говорят, что Господь Бог создавал мир по математическим образцам, что вполне похоже на правду. Но раз мы сотворены по образу и подобию Божию, то тогда ясно, во-первых, откуда это в нас, и, во-вторых, что это отнюдь не случайно.

В том, что есть некий высший, тайный и нам пока неведомый план, мы почти не сомневаемся. Не сомневаться нам позволяет очевидное: математику ведь на пустом месте не построишь и декретом не отменишь. Открытые ею истины за тем уже существуют вневременно и интерсубъективно, действительно независимо и от человека, и от человечества. И вроде бы математика – чистая игра разума, далекая от реальности, но в том-то ее магическая притягательность, загадочность и обаяние. Современная наука свидетельствует о том, что мы сейчас располагаем данными о работе и функционировании примерно 15 % общего объема мозга. С другой стороны, в своей обыденной, повседневной практике мы задействуем опять-таки не более 10..15 % закодированного материала, в нем латентно хранящегося, и его возможного потенциала. Оставшиеся 85 % – из области либо богочеловеческого, либо человекобожеского. Для нас это пока не только «*terra incognita*», но и «*terra interdicta*», наподобие райского яблока.

И как же закон сохранения энергии не основной, не высший и не справедливейший, если он – осевой «стержень» традиционных межличностных отношений и «остов» социальной гармонии? Он не только в расхожем «ты – мне, я – тебе», в этом принципе взаимности, организующем императив сферы неродственного альтруизма; он не только в библейском «что посеешь, то и пожнешь» как одновременно «стартере», «стабилизаторе» и «экономайзере» общественного прогресса; он не только в конфуцианском «золотом правиле поведения»: «поступай с другими так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой», – но и на более глубинном уровне: «сила действия равна силе противодействия», как закон возмездия и воздаяния.

Но закон сохранения энергии живет и действует не только на межличностном, но и на популяционном уровне или, как сказал бы Г.В.Ф. Гегель,

в сфере объективного духа. Если предположить, что гегелевская философия истории верна, то есть некий трансцендентный мировой энергетический потенциал, который по заранее заготовленной матрице («по мановению чьей-то чудесной и легкой руки») дисперсно, экономно и своевременно распределяется по народам и этносам, городам и весям. Человеческая история, по Гегелю, отнюдь не собрание случайных событий. Так она может представляться лишь при поверхностном взгляде на нее. В истории господствует мировой разум: «Единственную мысль, которую привносит с собой философия, является та простая мысль, что разум господствует в мире, так что, следовательно, и всемирно-исторический процесс совершался разумно... Итак, лишь из рассмотрения самой всемирной истории должно выясниться, что ее ход был разумен, что она являлась разумным, необходимым обнаружением мирового духа – того духа, природа которого всегда была одна и та же, но который проявляет эту свою природу в мировом наличном бытии» [3, с. 64, 65]. Деятельный, объективный дух воспроизводит себя в качестве духа народов, сыгравших всемирно-историческую роль. Истории этих народов суть ступени, составляющие определенные эпохи всемирной истории. Эти ступени определяются нравственной жизнью этих народов, их государственным строем, а также их искусством, религией и философией.

В ходе истории каждого народа наблюдаются две тенденции. Одна направлена к сохранению устоев данного народа, государства и всех других областей жизни; другая ведет к разрушению государства и всех созданных им институтов, когда данный народ осуществил всё то, что он должен был сделать согласно своему внутреннему предназначению. В такие переломные периоды и выступают всемирно-исторические личности. В их задачах и целях выражается такое всеобщее, которое непременно должно получить дальнейшее развитие. Они превращают это всеобщее в свою личную, путеводную цель и тем самым осуществляют эту цель, которая предзадана более высоким понятием духа. Гегель величает их «героями». Но ведомый своими героями народ, выполнив предначертанную вселенским разумом миссию, сходит с мировой авансцены, уступая место другому народу, которому, в свою очередь, пришло время исполнить своё высшее предназначение. Для нас же во всей этой стройной и изящной гегелевской философии истории занимательной представляется одна принципиально важная деталь: общее количество духовной энергии Абсолютной Идеи и до момента творения мироздания по трем законам диалектики, и в момент его творения и по всем виткам спирали его развития является константным. Что это, если не триумф закона сохранения энергии?!

Не менее содержательна и красива философия истории Л.Н. Гумилёва, названная им теорией этногенеза. Там гегелевские герои, те самые всемир-

но-исторические личности, переименованы в «пассионариев», пробуждаемых к жизни и побуждаемых к активным действиям периодическими биосферными «пассионарными толчками». Происходят эти толчки по непонятным для нас причинам, по неведомому для нашего рассудка и здравого смысла плану, по странному образом выверенным осям. Если теория этногенеза верна, то существует некий планетарный энергетический заряд, который как бы по графику импульсно распределяется по готовым к исполнению своей миссии народам. По мнению Л.Н. Гумилёва, всякий этнос рождается, мужает, стареет и умирает. Он пишет: «Обычно к истории прилагают две формы движения: вращательную, породившую в древности теорию циклизма (она опровергнута фактами), и поступательную, характеристика которой, увы, постоянно сопровождается оценками “вышениже”, “лучше-хуже”, “прогрессивнее-регрессивнее”. Попытка их объединить породила образ спирали. Но есть и третья форма движения – колебательная. Тронутая струна на скрипке звучит и смолкает, но в ее движении нет ни “переда”, ни “зада”. Именно эта форма движения – затухающая вибрация – отвечает параметрам этнической истории» [4, с. 6].

Великолепен образ пифагорейского музыкального инструмента, эталона математической пропорции. Но ведь на этой «божественной скрипке» играет, выводит ту самую восхитительную «вселенскую симфонию» чья-то мастерская рука! Чей-то смычок касается этих этнических «струн», индуцируя ту самую затухающую вибрацию. И есть партитура сего неземного музыкального произведения, пусть и не в нотной тетради, а в разуме автора и исполнителя. Лев Николаевич продолжает далее: «Принцип этнологии прост. Каждый этнос – или скопление этносов, суперэтнос, – возникает вследствие микромутации, изменяющей бытующий стереотип поведения, то есть мотивацию поступков, на новую, непривычную, но жизнеспособную. Новый этнос часто “забывает” сменить свое название, но стереотип его поведения и внутренняя структура отличаются от прежних настолько, что историку очевидно то, что незаметно участнику события из-за абберации близости, подобно тому как абрис здания не виден зрителю, находящемуся на расстоянии одного сантиметра от стены.

Возникший этнос проходит фазы подъема активности, перегрева и медленного спада за 1200–1500 лет, после чего либо рассыпается, либо сохраняется как реликт – состояние, в котором саморазвитие уже не ощущимо. При таком подходе сама идея “отсталости” или “дикости” неприменима. Бессмысленно сравнивать в один момент профессора, студента и школьника по любому признаку: количеству волос на голове, физической силе или умению играть в бабки. Однако это делается часто при применении к истории шкалы линейного времени.

Но если принять принцип диахронии – счета по возрасту – и сравнить шестилетнего ребенка со студентом и профессором, когда им было тоже по шесть лет, то сопоставление имеет смысл и научную перспективу. Так, цивилизованные ныне европейцы стары и потому чванливы. Они гордятся накопленной культурой, как все этносы в старости. А ведь всего тысячу лет назад “франки” и “норманны” только начинали учиться у византийцев и арабов богословию и мытью в бане. А какими они станут еще через тысячу лет, можно предположить путем сравнения их с эллинами и римлянами, уже исчезнувшими, но оставившими следы своей культуры» [Там же, с. 7].

Трудно не согласиться с Львом Николаевичем. Куда делись скифы, сарматы, анты, хазары, волжские булгары, берендеи, печенег, половцы? Куда ускакали гунны во главе с яростным Атиллою, смерчем пронесаясь по Евразии и чуть не поставив на колени Рим? А куда канули вандалы и готы, этот самый Рим захватившие, «прощальным салютом» его разграбившие и всласть над ним поизгалявшиеся? Заряд иссяк, запал потух, предуготовленная задача исполнена, можно отдыхать: покуражился – уступи место другому.

Согласно Гумилёву, пассионарный подъем характеризуется социальным императивом: «Будь тем, кем ты должен быть». Но ведь этносы живут не изолированно, они вынуждены соотносить свое бытие с жизнью других этносов – своих ближних и дальних соседей, фазы развития коих десинхронизированы. И это существеннейшим образом добавляет драматизма в их и без того весьма непростое взаимное сосуществование. Вот как об этом пишет Лев Николаевич: «Как только возникает, и всегда стихийно, императив акматической фазы: “Будь самим собой”, система деформируется, как автомобиль, несущийся с такой скоростью, что от него отлетают колеса, ломаются оси. Это перегрев, охладить который может только пролитая кровь...

Для реликтового этноса-персистента возможны, кроме полной изоляции, три пути: 1) ждать, пока истребят соседи (элиминация); 2) включиться в живущий суперэтнос во время смены фаз и укрепиться в нем (инкорпорация); 3) рассыпаться розно (дисперсия)... А основной тезис этнологии диалектичен: новый этнос, молодой и творческий, возникает внезапно, ломая обветшалую культуру и обездушенный, т. е. утративший способность к творчеству, быт старых этносов, будь то реликты или просто обскуранты; в грозе и буре он утверждает свое право на место под солнцем, в крови и муках он находит свой идеал красоты и мудрости, а потом, старея, он собирает остатки древностей, им же некогда разрушенных. Это называется возрождением, хотя правильнее сказать “вырождение”. И если новый толчок не встряхнет дряхлые этносы, то им грозит превращение в реликты. Но толчки повторяются, хотя и беспорядочно, и человечество существует в своем разнообразии» [5, с. 14, 15].

Да, человечество продолжает существовать в своем многообразии, а я продолжаю «гнуть свою линию». Как же закон сохранения энергии не основной, как же он не высший, как же он не справедливейший, если он является невидимым, но существенным и судьбоносным регулятором численности земного народонаселения? Причем, по всей вероятности, регулятором рукотворным. Спросите, как это может быть? Ответу вопросом на вопрос: а вам никогда не приходило в голову, что на протяжении всей человеческой истории какими-то наивысшими, сверхъестественными силами всё устроено так, что постоянно сохраняется предельно точное соответствие, баланс между совокупным количеством живущего на Земле, обитающего в каждый момент времени народонаселения и совокупным количеством умерших? Исходя из этой абсурдной (гениальной?) догадки получается, что если сейчас общее население нашей планеты составляет примерно 7,5 миллиарда человек, то это значит, что общее количество почивших равно именно такой же величине. Такое трансцендентное равновесие, математическое уравнение физической, этической и эстетической гармонии. Поэтому-то и возможно не хаотичное, а именно упорядоченное переселение душ.

Эта моя догадка в чем-то переключается с так называемым «законом константности», сформулированным В.И. Вернадским: «масса живого вещества всегда остается постоянной и определяется лучистой солнечной энергией заселения планеты» [2, с. 114]. По подсчетам Вернадского, эта константная величина располагается где-то между 1000 и 10 000 триллионов тонн. Но из этого же закона следует, что, скажем, насколько за последнюю тысячу лет увеличилась биомасса человечества, ровно настолько же уменьшилась биомасса других видов живых организмов, но при этом совокупный объем биомассы всей планеты остался прежним. И всё это естественно, и всё это «чистой воды» математика.

В конце XVIII века один английский священник и по совместительству талантливый экономист Томас Роберт Мальтус создал прелюбопытную теорию, суть которой изложил в наиболее известной своей работе «Опыт о законе народонаселения...», вышедшей в свет в 1798 году. В ней Мальтус попытался объяснить остроту противоречий общественного развития не социальными процессами, а некими «вечными» законами природы. Мальтус сформулировал «естественный закон», согласно которому население Земли растет очень быстро – по законам геометрической прогрессии, тогда как производство продовольствия и других средств существования значительно медленнее – по законам арифметической прогрессии. По его мнению, это связано с так называемым «законом убывающей производительности последовательных затрат», что, к примеру, для земледелия оборачивается «законом убывающего плодородия почвы». Вот что

мы находим у него на сей счет: «Итак, мы можем признать несомненным то положение, что если возрастание населения не задерживается какими-либо препятствиями, то это население удваивается через каждые 25 лет и, следовательно, возрастает в каждый последующий двадцатипятилетний период в геометрической прогрессии. Несравненно труднее определить размер возрастания произведений земли. Тем не менее мы уверены, что размер этот не соответствует тому, который проявляется при возрастании населения» [7, с. 9].

От роста населения напрямую зависит состояние общества, а этот рост, в свою очередь, определяется биологическими законами размножения. В качестве обнадеживающих и спасительных ограничителей священник-англиканец анализировал меры – как превентивные, так и «поствентивные». Основной превентивной мерой он видел всяческое нравственное обуздание человеческой похоти: кастрацию и стерилизацию наиболее плодящихся, надо отдать ему должное, не предлагал, а вот поздние браки и различные, весьма ухищренные формы воздержания рекомендовал и даже настоятельно. На роль радикальной, но неизбежной в силу своей необходимости «поствентивной» меры Томас Мальтус возлагал надежды на божественное провидение и на ту самую, нами уже упоминаемую божескую премудрость: Господь Бог заботится и печется о своих «подобносозданных», и не даст им умереть с голоду или в животной драке за кусок хлеба. А посему на все природные катаклизмы, как то извержения вулканов, наводнения, землетрясения, снежные лавины, селевые потоки, смерчи, тайфуны, цунами, на всех хищных и ядовитых земных и водных тварей, а также на всякого рода травмы, не совместимые с жизнью, болезни, эпидемии и войны (а я бы сюда добавил и все смертные приговоры), т. е. на всё то, что повышает смертность, следует смотреть если уж и не с юмором и олимпийским спокойствием, то философически – с пониманием того, что сие есть проявление именно премудрости божьей и заботы на перспективу, а также недвусмысленный знак нам о нашей порочной греховности и заслуженная кара за нее. За всей этой практически общепризнанной мизантропической направленностью мальтузианской концепции для меня не менее явственно проступление, «просачивание» сквозь нее «трансцендентально-го лика» закона сохранения энергии – чтобы количество живущих не превышало количество умерших.

И тут как не вспомнить последнюю, завершающую, новозаветную каноническую книгу, предваряющую собой Псалтырь, – «Откровение Иоанна Богослова» – известную как Апокалипсис. Всё в ней трогательно, занимательно и поучительно, но в контексте вышеизложенного нас в особенности будет интересовать именно шестая глава. Она знаменательна раскрытием тайны за семью печатями, красива четверкою отборных скакунов

с приличествующим каждой масти наездником, а также показательна божественным разрешением сакраментального вопроса – «доколе?» Нет ничего тайного, что не стало бы явным, так что для божественного предопределения людски «проклятые» вопросы типа «кто виноват?» и «что делать?» – отнюдь не вопросы. А вот доколе терпеть всё это множащееся и «ветвящееся» земное безобразие – действительно проблема.

Ст. 1 «И я видел, что Агнец снял первую из семи печатей, и я услышал одно из четырех животных, говорящее как бы громовым голосом: иди и смотри».

Ст. 2 «И я взглянул, и вот, конь белый, и на нем всадник, имеющий лук, и дан был ему венец; и вышел он как победоносный, и чтобы победить».

Ст. 3 «И когда Он снял вторую печать, я слышал второе животное, говорящее: иди и смотри».

Ст. 4 «И вышел другой конь, рыжий; и сидящему на нем дано взять мир с земли, и чтобы убивали друг друга; и дан ему большой меч».

Ст. 5 «И когда Он снял третью печать, я слышал третье животное, говорящее: иди и смотри. Я взглянул, и вот конь вороной, и на нем всадник, имеющий меру в руке своей,

Ст. 6 «И слышал я голос посреди четырех животных, говорящий: хиникс (авт. – малая хлебная мера) за динарий, и три хиникса ячменя за динарий, еля же и вина не повреждай».

Ст. 7 «И когда Он снял четвертую печать, я слышал голос четвертого животного, говорящий: иди и смотри».

Ст. 8 «И я взглянул, и вот конь бледный, и на нём всадник, которому имя “смерть”; и ад следовал за ним, и дана ему власть над четвертою частью земли – умерщвлять мечем и голодом, и мором, и зверями земными».

Ст. 9 «И когда Он снял пятую печать, я увидел под жертвенником души убиенных за слово Божие и за свидетельство, которое они имели».

Ст. 10 «И возопили они громким голосом, говоря: доколе, Владыка святой и истинный, не судишь и не мстишь живущим на земле за кровь нашу?»

Ст. 11 «И даны были каждому из них одежды белые, и сказано им, чтобы они успокоились еще на малое время, пока сотрудники их, и братья их, которые будут убиты, как и они, дополнят число».

Ст. 12 «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь».

Ст. 13 «И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои».

Ст. 14 «И небо скрылось, свившись как свиток; и всякая гора, и остров двинулись мест своих».

Ст. 15 «И цари земные, и вельможи, и богатые, и тысяченачальники, и сильные, и всякий раб, и всякий свободный скрылись в пещеры и в ущельях гор».

Ст. 16 «И говорят горам и камням: падите на нас и сокройте нас от лица Сидящего на престоле и от гнева Агнца».

Ст. 17 «Ибо пришел великий день гнева Его, и кто может устоять».

Да, не только страшно впасть в руки Бога живого, но, судя по стиху 16-му, ничего и хуже этого быть не может. Вот оно даже как. Все эти владыки и вельможи, все эти богатые и сильные мира сего, а за компанию с ними и не очень богатые и не очень сильные и даже очень небогатые и очень несильные, но с греховным «рыльцем в пушку», все они скопом в унисон предпочитают и вымалывают быть лучше заживо погребенными, нежели попасть на суд праведный Бога Отца и Бога Сына. Но дня «икс» и время «Ч» никто как не знал, так и не знает, как бы кто ни мнил, ни ворожил, ни предсказывал и ни пророчествовал, так что еще можно понежиться и погулять. Но вот фраза, что, мол, убиенным за слово Божие волноваться и переживать насчет своего отпущения не стоит, а, напротив, следует лишь подождать еще чуть-чуть, еще самую малость, когда их совокупная масса достигнет некой критической величины, некоего тайного числа, – это архиважно и чрезвычайно показательно. И тут мы совсем по-пифагорейски упираемся в некое мистическое число, символическое значение которого, по всей видимости, также «за семью печатями». Вот что принципиально и как «бальзам на душу»: пусть это и особый, апокалиптический, но всё же по своей форме привычный, алгоритмизированный тип математического уравнения, и пусть и особая, жутко производная, но всё же узнаваемая форма выражения закона сохранения энергии.

Лично мне доказывать по «томистскому рецепту» существование Бога и наличие промысла Божия на Земле не требуется, для меня это интуитивно ясно и очевидно, как может быть очевидна математическая аксиома. Хотя в логике и положительной теологии не откажешь: действительно, по следствиям можно судить о причинах, по совершенству творения можно судить о совершенстве творца, по плодам, так сказать, узнавать древо. Но тут, правда, больше эстетики, чем логики и неподдельного восхищения, конечно же. Закончить хотелось бы, памятуя о верховной значимости закона сохранения энергии, патетически, слегка перефразируя слова одной песни:

«Говорят, что Бога нет,
Только я отвечаю:
Ты не жди рассвет,
А иди навстречу».

Литература

1. *Авенариус Р.* Философия как мышление о мире сообразно принципу наименьшей меры сил. – Изд. 2-е, стер. – М.: КомКнига, 2007. – 56 с.
2. *Вернадский В.И.* Химическое строение биосферы Земли и ее окружения. – М.: Наука, 1965. – 374 с.
3. *Гегель Г.В.Ф.* Лекции по философии истории. – СПб.: Наука, 1993. – 480 с.
4. *Гумилёв А., Панченко А.* Чтобы свеча не погасла: диалог. – Л.: Советский писатель, 1990. – 128 с.
5. *Гумилёв А.Н.* Древняя Русь и Великая степь. – М.: Мысль, 1989. – 766 с.
6. *Декарт Р.* Избранные произведения. – М.: Мысль, 1950. – 712 с.
7. *Мальтус Т.Р.* Опыт о законе народонаселения. – Петрозаводск: Петроком, 1993. – 136 с.
8. *Мах Э.* Познание и заблуждение. – М.: Бином. Лаборатория знаний, 2003. – 442 с.
9. *Платон.* Собрание сочинений. В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. – 528 с.

Статья поступила в редакцию 17.12.2019.

Статья прошла рецензирование 16.06.2019.

DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.1-211-228

ON THE HIGHEST AND FAIREST LAW

Piletsky Sergey,

Dr. of Sc. (Philosophy), Associate Professor,

Associate Professor at the Department of History and Philosophy

Yaroslavl State Medical University,

5 Revolyutsionnaya St., Yaroslavl, 150000, Russian Federation

ORCID: 0000-0002-1214-535X

sergeypiletsky@yandex.ru

Abstract

The article is a comprehension of one of the tenets of philosophical materialism, one of the three conservation laws - the energy conservation law. It is an integral part of modern natural science. The author emphasizes the ontological status of the mathematical foundation of the law of energy conservation, and gives unexpected and very interesting extrapolations and applications of it. The author insists that the law of energy conservation does not have only an ontological and epistemological, but also a moral dimension. The author begins his article with admiration for the beauty and harmony of mathematics and deals with many fascinating and demonstrative mathematical achievements in the development of the greatest minds of mankind - Pythagoras, Leibniz, Newton, Fibonacci, Bach, Newlands, Mendeleev and others. Simplicity and elegance of Mathematics were also appreciated by naturalists. The author cites the position on this account of two prominent representatives of empirio-criticism of the second half of the XIX century - Ernst Mach and Richard Avenarius - with their conceptual methodological platform of the "principle of economy of thinking" as a fundamental regulative science. In the future, the author tries to highlight the amazing aspects of the law of energy conservation within the framework of Plato's philosophical theories about the "world as eidos", Descartes about the potential of "innate ideas", Hegel's philosophy of history, the concept of L.N. Gumilev about ethnogenesis and passionarity and V.I. Vernadsky biosphere theory with his "law of constancy." From the standpoint of the law of energy conservation the author substantiates providentialism within the framework of Christian apocalyptic dogma. The entire content of the article is not just permeated by the personal assessment of the author on all the mentioned personalities and their theoretical constructs, the author takes the liberty to present his original conceptual idea on this topic to the readers.

Keywords: mathematics, axiom, simplicity and clarity, eidos, innate ideas, soul, justice, energy conservation law, demiurge.

Bibliographic description for citation:

Piletsky S. On the highest and fairest law. *Idei i idealy – Ideas and Ideals*, 2019, vol. 11, iss. 3, 3, pt. 1, pp. 211–228. DOI: 10.17212/2075-0862-2019-11.3.1-211-228.

References

1. Avenarius R. *Filosofiya kak myshlenie o mire soobrazno printsipu naimen'shei mery sil* [Philosophy as a thinking on the world according to the principle of least cost]. 2nd ed. Moscow, KomKniga Publ., 2007. 56 p. (In Russian).
2. Vernadskii V.I. *Khimicheskoe stroenie biosfery Zemli i ee okruzheniya* [The chemical structure of the Earth and its environment]. Moscow, Nauka Publ., 1965. 374 p.
3. Hegel G.W.F. *Lektsii po filosofii istorii* [The lectures on the philosophy of history]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1993. 480 p. (In Russian).
4. Gumilev L., Panchenko A. *Chtoby svecha ne pogasla: dialog* [So that the candle doesn't go out. The dialog]. Leningrad, Sovetskii pisatel' Publ., 1990. 128 p.
5. Gumilev L.N. *Drevnyaya Rus' i Velikaya step'* [The Ancient Russia and The Great steppe]. Moscow, Mysl' Publ., 1989. 766 p.
6. Descartes R. *Izbrannye proizvedeniya* [The selected works]. Moscow, Mysl' Publ., 1950. 712 p. (In Russian).
7. Malthus T.R. *Opyt o zakone narodonaseleniya* [The Experience on the law of population]. Petrozavodsk, Petrokom Publ., 1993. 136 p. (In Russian).
8. Makh E. *Poznanie i zabluzhdenie* [Cognition and delusion]. Moscow, Binom. Laboratoriya znaniy Publ., 2003. 442 p.
9. Plato. *Sobranie sochinenii*. V 4 t. T. 2 [Complete Works. In 4 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl' Publ., 1993. 528 p. (In Russian).

The article was received on 17.12.2019.

The article was reviewed on 16.06.2019.